

Pospíšil, Ivo (editor)

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное

In: Pospíšil, Ivo. *Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století : (přehled a exkurzy s ukázkami textů z literatury 11.–17. století)*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 176-186

ISBN 978-80-210-7281-7; ISBN 978-80-210-7284-8 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131908>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

**Житие протопопа Аввакума, им самим написанное
Аввакум Петров (1620–1682)**

Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою-рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати - Мария, инока Марфа. Отец нее мой прилежаше пития хмельнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же некогда видево у соседа скотину умершу, и в нощи, восставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молиться. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом.

Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь - имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божий тако. Посем мати моя отъиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место.

Рукоположен во дьяконы двадесяти лет с годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осьмь лет, и потом совершен в протопопы православными епископы, - тому двадесеть лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, - по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде и во стране Сибирской проповедуя и уча слову Божию, - годов будет тому с полтретья-цеть.

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатиси девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горько мне бысть в той час: зажег три свечи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся,

пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяшко, неудобь носимо.

И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: плывут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сидельцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали! «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третьей корабль, не златом украшен, но разными пестротами, - красно, и бело, и сине, и черно и пёпелесо, - его же ум человек не вмести красоты его и доброты; юноша светел на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «твой корабль! На, плавай на нем с женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше рассуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы начальник отнял дочь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и больши, и паки оживе Божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник, во ино время, на мя расвирепел, - прибежав ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань: ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищальми и, близ меня быв, запалил из пистолы, и Божию волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и Божия воля учинила так же, - и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь Богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв ключку, а мати - некрещенова младенца, побрели, амо же Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу, Иванну, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился - ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю.

Приидоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, - одново ушиб, и паки ожил, а другого о[т]пустил в поле. И за сие меня Василей Петрович Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались; а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была. Так-то Бог строит своя люди.

На первое возвратимся. Таже ин начальник на мя рассвирепел: приехав с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. А аз в то время, запершись, молился с воплем ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судьбами!» И побежал от двора, гоним Святым Духом. Таже в ночь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «батушко-государь! Евфимей Стефанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «дайте мне батька Аввакума! за него Бог меня наказует!»

[...]

[ССЫЛКА В СИБИРЬ]

Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, - больную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринадцеть волокли телегами и водою и саньми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моя дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван, собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь, - а я вечерню пою, - и вскочил в церковь, ухватил Антона на крыло-се за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никою не пустил, - один он, Струна, в церкви вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ремнем нарочито-таки; а прочий, человек с дватцеть, вси побегоша, гоними Духом Святым. И покаяние от Струны прияв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят.

И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И Божиим страхом отгнанн быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкви начую, иное к воеводе уйду; а иное в тюрьму просился, - ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах, - опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви с дьяконом Афонасьем меня стриг*. Тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил.

Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек с дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкви большой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час из церкви пошед, взбесился, ко

двору своему идучи, и умре горькою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж граждая оплачют согрешение его. А сами три дня прилежне стужали Божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыко и мы сами честне тело его погребли. Полно тово плачевнова дела говорить.

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от Писания и укоряю ересь Никонову. В та же времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы в Верху, а оба умерли в мор и с женами и с детьми: и многий друзья и сродники померли. Излиал Бог на царство фиал гнева своего! Да не узнались горюны однако, - церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение; то и сбилось во дни наша ныне. Но милостив Господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюсь на Христа: ожидаю милосердия Его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох, - поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести - дватцеть тысяч и больши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, - людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в Большой Тунгуске-реке, в воду загрузило бурю дощеник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало, - одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощени-ке двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманской порог, навстречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы - одна лет в 60, а другая и больши, пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж о[т]дать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать: «для-де тебя дощеник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!»

О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимый, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть - заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы - перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие - многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие - во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать.

И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «человече! убойся Бога, сидящего на херувимех и призирающего в без[д]ны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человека, один ты презираешь и неудобство показуешь», - и прочая: там многоноcko писано: и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему, - версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их: и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачут на меня, жалеют по мне.

Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит: начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп?»; и аз отвечал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног, и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: «пощади!» Ко всякому удару, молитву говорил, да осреди побои вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам. Опустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал.

Как били, так не больно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «за что ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!».

Бытто доброй человек - другой фарисей с говенною рожею, - со Владыкою судитца захотел! Аще Иов и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари Бога познал. А я первое

- грешен, второе - на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбьми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости те щемить и жилы те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялся пред Владыкою, и Господь-свет милостив: не поминает наших беззаконных первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большому, Падуну, - река о том месте шириною с версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами што поплывет, ино в щепы изломает, - меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинута кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине, - нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустно гораздо, на душе добро, не пеняю уж на Бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «сыне, не пренемагай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит Бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам Бог. Аще ли без наказания приобщается ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речьми тешил себя.

Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да Бог грел и без платья. Что собачка, в сололке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, - и батошка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» - да сила Божия возбранила, - велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст с дватцеть была сослана от меня. Баба ей Ксенья мучила зиму ту всю, - лаяла да укоряла. Сын Иван - невелик был - прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеною тюрьму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери, - руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу небольшое место осталось, а первой разграблен весь: и книги, я одежда иная отнята была, а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был, - и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третее

тонул. Барку от берегу оторвало водою, - людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричу: «Владычице, помози! упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выползу наверх. Несло с версту и больши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што веть делать, коли Христос и пречистая Богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь; а люди те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах да в суммах; все с тех мест перегнило - наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «ты-де над собою делаешь за посмех!» И я паки свету-Богородице докучать: «Владычице, уйми дурака тово!» Так она, надежа, уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня-озера; волок тут, - стали зимою волочитца. Моих работников отнял, а иным у меня нанята не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту сделал и зиму всю волочился за волок.

Весною на плотах по Ингоде-реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечева есть; люди учили с голоду мереть и от работных водяных бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие - огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить - ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился! У протопопицы моей однарятка московская была, не сгнила, - по-русскому рублев в полтретьяцеть и больши потамошнему. Дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче-реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять, - осталось небольшое место; по степям скитающеса и по полям, траву и корение копали, а мы - с ними же; а зимою - сосну; а иное кобылятины Бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков, и лисиц, и что получит - всякую скверну.

Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла, - все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишю голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеса по горам и по острому камению, наги и боси, травою и корением перебивающеса, кое-как мучилися.

И сам я, грешной, волею и неволею причащен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да оке оплачу бедную душу свою, юже зле погубих житейскими сладьми?

Но помогала нам по Христе болярня, воеводская сноха, Евдокея Кири-ловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, - иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех!- иногда ребенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была; а ныне уж ей 27 годов, - девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? пускай, горькие, мучатся все ради Христа! Быть тому так за Божию помощь. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «начный блажен, но скончавый». Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, беспрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы, - сенные ево любимые были, -Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, что ничто же успевае, но паче молва бывае, - зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонился мне, говорит: «пожалуй, возьми их ты и попекися об них, Бога моля; послушае тебя Бог». И я ему отвечал: «Господине! выше меры прошение; но за молитв святых отец наших вся возможна суть Богу». Взял их, бедных. Простите!

Во искусе то на Руси бывало - человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем, и за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действием и повелением Бога живаго и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу, молебная певше во имя Христово, и сила Божия отгоняше от человек бесы, и здрави бываху, не по достоинству моему, - ни никако же, - но по вере приходящих. Древле благодать действовавшие ослом при Валааме, и при Улияне мученике - рысью, и при Сисинии - олени: говорили человеческим гласом. Бог идеже хошет, побеждаеся естества чин. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не всех Дух Святыи рукополагае, но всеми, кроме еретика, действуе.

Таже привели ко мне баб бешаных: я, по обычаю, сам постился и им не давал есть, молебствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал; и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся Богу; любят меня и домой не идут. Сведал он, что мне учинилися дочери духовные, осердился на меня опять пущи старова, - хотел меня в огне жжечь: «ты-де выведываешь мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгонишь. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела Христова. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею.

В нашей православной вере без исповеди не причащают; в римской вере творят так, - не брегут о исповеди; а нам, православие блюдушим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получишь, и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и Бог простит тя, покаяние твое виде, и тогда с правильном причащайся святых тайн. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестью причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле пред образом Христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, и и сусудце водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тела Христова с молитвою в воду на лошку положи и кадилком вся покади, поплакав, глаголи: «верую, Господи, и исповедаю, яко ты еси Христос Сын Бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есмь аз. Верую, яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслиго, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю пред образом, прощение проговори и, восстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки Богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после тово, ино хорош. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним Чернова попа, и оне ево дровами бросают, - и поволокся прочь. Я дома плачу, а делать не ведаю что. Приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел

их умыть и напоить, и им, бедным, легче стало. Прибредли сами ко мне тайно, и я помазал их во имя Христова маслом, так опять, дал Бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибегали тайно молитца Богу.

Изрядные детки стали, играть перестали и правильна держатца. На Москве с бояронею в Вознесенском монастыре вселились. Слава о них Богу!

Таже с Нерчи-реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, - кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришел, - на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохни, отвечаала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас чернёнъка была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогаая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом, И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет, Ни курочка, ни что чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней - плюново дело, железо! А та птичка одушевлен[н]а, Божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батько пожаловал - помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбродил, корыто им сделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней и отслал. Куры Божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племянн и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козьма и Дамиян человеком и скотом благоденствовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владьки, еще же и человека ради.